

18+

Абенов С.

*Добудь
Победу,
солдат!*

1 часть

Сергей Абенов

Добудь Победу, солдат! 1 часть

«Издательские решения»

Абенов С. К.

Добудь Победу, солдат! 1 часть / С. К. Абенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980610-9

В основу сюжета книги положена военная биография отца автора, прошедшего дорогами войны от западных границ страны до Волги и от Сталинграда до Бухареста.

ISBN 978-5-44-980610-9

© Абенов С. К.
© Издательские решения

Содержание

Добудь Победу, солдат!	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Добудь Победу, солдат!

1 часть

Сергей Камалович Абенов

© Сергей Камалович Абенов, 2020

ISBN 978-5-4498-0610-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-0611-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добудь Победу, солдат!

1 часть Сталинград

Глава 1

Она никогда не верила в Бога. И никогда не молилась. Смешно было бы обращаться с просьбой к тому, кого нет. И если бы ей сказали, что такое может произойти, она бы ответила, что да, может, но только не с ней! Потому что ей уже почти девятнадцать лет, и она боец Красной Армии. Потому что осенью сорок первого, когда гитлеровцы подошли к Москве, ей еще не исполнилось восемнадцать, и ее не взяли в армию. Она дежурила по ночам на крышах и тушила немецкие зажигательные бомбы, и зимой сорок второго пошла работать в госпиталь медсестрой и занималась на курсах радистов. Потом, когда в мае сорок второго ей исполнилось восемнадцать, она писала рапорт за рапортом об отправке на фронт и после каждого дежурства часами просиживала у кабинета начальника госпиталя, пока тот не рассвирепел вконец от ее упрямства и не подписал приказ о переводе ее в полевой лазарет в действующую армию. Это произошло уже в середине лета сорок второго, и этот ее путь на фронт был очень нелегким. Но она преодолела все трудности благодаря упорству своего характер, который достался ей от отца, так она считала, и никакие высшие силы ей не помогали, просто ей всегда везло. Во всем остальном она была самой обычной девушкой и внешность у нее, так она считала, была самой заурядной. Прямые, густые брови и нос прямой, скулы чуть выдаются и губы припухлые. Глаза серые с несколько удлинненным разрезом – хоть что-то от папы, светло русые, густые волосы она коротко остригла еще в самом начале войны.

В полевом госпитале в поселке Красный Буксир на правом берегу Волги она пробыла чуть больше трех месяцев, с июля, и сейчас уже был конец октября, а ей все никак не удавалось попасть в Сталинград. Раненые прибывали в госпиталь почти каждый день, и работать приходилось много и тяжело. Здесь она насмотрелась такого, о чем не смогла бы рассказать человеческим языком. Нет ни в одном языке таких слов, чтобы можно было это описать. Здесь тоже бомбили, и были убитые и раненые но, по фронтовым меркам, это был тыл, а по сталинградским – глубокий тыл. Там, за Волгой, не смокала канонада ни днем, ни ночью, и немцы уже взяли Сталинградский тракторный завод, разделив 62-ю армию надвое, и над городом все время стоял черный дым. Но ей нужно было в Сталинград и почему именно туда и именно сейчас, она, если бы спросили, не смогла бы объяснить. И ей, как всегда, повезло.

Повезло, потому что в этот день понадобилось отвезти в штаб Сталинградского фронта сопроводительные документы на выздоровевших, принять партию раненых и доставить в госпиталь. Да, ей здорово повезло, потому что старший военфельдшер, горластая тетка, которая всем этим занималась, заболела и Ольга, не раздумывая, сама вызвалась на это дело. Вот тут-то, в штабе Сталинградского фронта, ей еще раз улыбнулась удача. Она уже почти закончила все дела, и оставалось только дожидаться и получить подписанные начальством документы, а потом принять очередную партию раненых с правого берега, и доставить ее в госпиталь.

Ольга сидела в полутемном коридоре у кабинета начальника медицинской службы, ждала, когда подпишут документы, и лихорадочно думала о том, что надо что-то делать, к кому-то обратиться, от кого-то потребовать, чтобы ее направили туда, в Сталинград. Но она не знала к кому обратиться и от кого требовать, и не знала, что отвечать, если спросят и как объяснить, почему именно ей можно и нужно в Сталинград. Но этот шанс нельзя было упустить, нужно было использовать фактор везения до конца. Она встала, прошла по коридору, здесь было многолюдно – прибывшие с фронта и убывающие туда офицеры, интенданты и про-

чие штабные работники сновали из кабинета в кабинет или ожидали решения касающихся их вопросов. Пахло табаком и одеколоном, и кожей от офицерских портупей и ремней. Ольга прижалась к стене у какого-то кабинета, потому что её все толкали, как будто одна она была тут лишней, и прислушалась к голосам, доносившимся из открытой двери. Вот тут-то ей и повезло бесповоротно, и подтвердилась поговорка – кто ищет, тот найдет. Потому что один из говоривших просил другого, нет, не просил, он требовал, громко и напористо:

– Дайте мне радиста, мне нужна рация и радист!

– Капитан! То тебе дай корректировщика, теперь вынь и положи радиста! – отвечал раздраженно второй голос. – Да еще и с рацией! Горин! Где я возьму рацию! Ты же знаешь, какая это волокита – писать заявку, утверждать, выбивать.

– Корректировщик у меня есть, – успокоил второго тот, кого называли Гориным, – хороший корректировщик, опытный, – и опять стал напирать:

– Мне нужен радист! У меня артиллерия без глаз! Вы понимаете, что такое артиллерия без глаз! Я не могу вести огонь наугад! А с телефонной связью невозможно работать, рвется сразу, как начнется артналет. И нет возможности исправить – кабель-то через Волгу! Да вы и сами прекрасно знаете!

Ольга торопливо переступила порог кабинета и, забыв доложить по уставу, стала лихо-радочно расстегивать пуговицу на шинели, где в нагрудном кармане лежали документы, в том числе и та самая синяя «корочка» об окончании радио курсов. Проклятая пуговица, пришивая которую позавчера к новой шинели, Ольга подумала – теперь не оторвется до конца войны, эта проклятая пуговица никак не хотела расстегиваться. Тот, которого звали капитан Горин, оглянулся на мгновение, и опять заговорил требовательно:

– Мне радист нужен до зарезу! У меня артиллерия без глаз!

Сидевший за столом пожилой подполковник не ответил ему, опустил очки на нос и оглядел Ольгу медленно, недоуменно с головы до ног.

– Тебе чего, девочка? – спросил он ее.

Тут Ольга разозлилась – какая я вам девочка! – но не дала волю злости, нельзя было испортить удачу, которая сама шла в руки. Она достала документы, пуговица наконец-то расстегнулась и, подавая Горину, который уже обернулся и смотрел на нее с некоторым ехидством, выпалила:

– Я радист! Я все умею! Знаю немецкий!

Она еще хотела добавить, что у нее второй юношеский разряд по легкой атлетике, но что-то ее остановило, это не к месту, подумала она и вдруг поняла, что дело сделано, что никуда этот Горин не денется – у него артиллерия без глаз – и сразу успокоилась. Что значит – артиллерия без глаз – она не знала, но ясно понимала по интонации капитана, что это очень важно, жизненно важно. Горин, листая документы, прочел в полголоса:

– Ольга Максименко... прошла курс обучения... – и задал один только вопрос. Он спросил, внимательно, испытующе глядя ей в глаза:

– Москвичка?

– Да, из Москвы! – ответила Ольга дерзко и опять разозлилась, потому что все почему-то думают – раз москвичка, то обязательно неженка и неумеха. А у нее второй юношеский по легкой атлетике и она может не спать трое суток и даже однажды ассистировала хирургу при сложной операции. Но ничего этого она не сказала. Потому что это было не важно, потому что эти двое уже обсуждали, как ее поскорее оформить, и кто будет этим заниматься. Подполковник сказал, что ему, Горину, здорово повезло с этой... радисткой, но что ее вряд ли отпустят из госпиталя, на что Горин заявил уверенно:

– Я это улажу, я к Еременко пойду, если потребуется!

Ольга не знала, кто такой Еременко, наверное, очень важный человек, но все случилось очень удачно, как-то само собой, как и бывает при везении, и никакие высшие силы не помо-

гали ей, никаких ангелов и архангелов, или как их там называют, и близко не было. Просто ей всегда везло.

Ближе к вечеру, когда все ее дела были улажены, Горин привел Ольгу к переправе, где и дал ей последние инструкции. Он оказался начальником артиллерии Сто пятнадцатой отдельной стрелковой бригады, которая две недели назад пробилась из Орловки в Сталинград из окружения. Но он, конечно, не мог рассказать ей, что после месяца страшных боев от бригады осталось две неполные роты, и к своим вышло чуть более ста, а если быть точным – сто восемнадцать человек. Что той ночью они пошли на прорыв, используя последние гранаты и поделив последние патроны по двадцать штук на брата. Что о судьбе лейтенанта Коростелева, который вызвался со своим взводом и тяжелоранеными бойцами прикрывать их отход, ничего не известно, только с той стороны, где они остались, до утра была слышна стрельба и гранатные разрывы. Ни к чему ей это знать.

Ей следует знать только, что по прибытии в штаб Северной группы полковника Горохова, так назывался этот район обороны Сталинграда, нужно будет найти начальника разведки капитана Студеникина, в чье распоряжение она поступает и выполнять его указания. Еще она должна твердо уяснить, что рацию ни под каким предлогом никому передавать нельзя, даже если прикажет сам полковник Горохов, потому что у него, у Горина – он опять повторил с нажимом те самые слова – артиллерия без глаз! Что разведчик-корректировщик, с которым ей предстоит работать, очень опытный профессионал и ее задача – просто выполнять все, что он скажет. Ещё он добавил, что позывной того корректировщика – «Ястреб», и она будет выходить в эфир с этим позывным, и когда он всё это говорил, Горин всё вглядывался в её глаза внимательно, и она поняла, что там, куда она так стремилась все это время, там очень тяжело и опасно.

Но она уже знала это из рассказов тяжелораненых, прибывавших из Сталинграда в их госпиталь. Она поняла, что, глядя в её глаза, капитан пытается угадать, выдержит ли она предстоящее испытание и намеренно не посвящает её в подробности тамошнего военного бытия. Ольга хотела сказать, что, несмотря на её, как шутили в медсанбате, «бледный вид и хрупкое сложение», она выносливая и терпеливая, очень выносливая и многое может вытерпеть, но не успела, потому что подали команду к погрузке, и нужно было торопиться.

Уже у самого трапа, ведущего на баржу, по которому уже начал погрузку наспех сформированный стрелковый батальон, Горин вдруг взял её руку, крепко пожал и сказал тепло и как-то по-свойски, как будто они знали друг друга давно:

– Удачи тебе, Максименко!

Это были хорошие слова и к месту, потому что если тебе и везет, то лишними такие слова не будут, они лишь добавят тебе ещё капельку везения. Еще она подумала, пробиваясь в носовую часть судна, как посоветовал ей капитан – там безопасней, что день сегодняшней очень удачно сложился. Таких удачных дней в ее жизни – раз-два и обчёлся. Да, спору нет, очень удачный день!

Один из солдат, долговязый и рыжий, вдруг схватил Ольгу за руку и поинтересовался развязно:

– Куда спешишь, красавица? Не спеши, смерть тебя сама найдет! Но она двинула его локтем в бок и пробилась все-таки в нос баржи, к самым поручням. Уже почти совсем стемнело, когда баржа, а за ней и несколько бронекатеров, отчалили от пристани и сразу же начался артобстрел, и налетели немецкие самолеты, и падали на переправу в пике с душераздирающим воем. Когда у правого борта баржи разорвался первый снаряд и, взметнув в воздух фонтан черной воды, обрушил его на палубу, на людей, и кто-то, раненый, закричал от боли или от страха, Ольга не испугалась. Только крепче ухватилась за поручни. Снаряды и бомбы падали густо и рвались с каким-то противным хлюпаньем, высоко выплевывая в ночь черную, вязкую воду и остро запахло тиной. Баржа накренилась налево, потому что люди после близкого разрыва

стали тесниться к левому борту, и кто-то в рупор, страшно матерясь и перекрикивая грохот бомбежки, напрасно требовал, чтобы солдаты переместились обратно.

Вещмешок с тяжелой рацией и запасными батареями к ней, санитарная сумка через плечо, набитая медикаментами, давили вниз, и словно припечатали Ольгу к палубе, и она подумала, что взрывная волна не собьет ее за борт. Еще подумала, что правильно сделала, что не взяла винтовку, которую хотел выдать усатый ефрейтор-украинец на складе, где она получила рацию. Но оружие, как и любому красноармейцу, ей иметь полагалось, и вместо винтовки ефрейтор – как же на войне без «орудия», так он выразился, выписал на ее имя пистолет. Это был старого, довоенного образца «наган» и непонятно было, как он вообще оказался на складе. Это у вас из какого музея? – съязвила тогда Ольга, на что кладовщик обиделся и перестал с ней разговаривать. «Наган» был великоват для ее руки и указательный палец не доставал до курка, но она подумала, что ей вряд ли придется им воспользоваться и засунула его в вещмешок, где была заботливо обернутая Гориным старой телогрейкой радиостанция. Теперь все это имущество надежно придавило, припечатало ее к палубе, и, если покрепче держаться за поручни, то никакая взрывная волна не сможет сбить ее за борт. О том, что, окажись она в воде, весь этот груз потянет на дно, как-то не пришло ей в голову. Пожалела только, что если такое и случится, то в воде не сможет снять сапоги, как будто это могло бы ей помочь.

Вдруг стало светло, не так, как днем, но все вокруг стало различимо. Она еще не бывала так близко к фронту и не знала, что действия авиации и артиллерии гитлеровцы корректируют при помощи самолетов-разведчиков. Вот и теперь над рекой повисли осветительные бомбы, сброшенные с барражировавшего высоко в небе двух фюзеляжного «Фоке-Вульфа» – «рамы», и в их тусклом свете стала различима вся река до самого правого берега. Он был далеко, и стало понятно, что баржа ползет слишком медленно. Слишком мал был буксир, тянущий их баржу, и слишком широка была Волга, слишком широка. Вот тогда ей стало страшно. Не оттого, что жизнь ее оборвется внезапно, и она перестанет существовать, а оттого, что не успеет сделать главного, к чему стремилась с первого дня войны. Ради чего всю зиму и весну сорок второго терпеливо училась шифровке и «морзянке» на курсах радистов, и ночами зубрила немецкий, и добивалась отправки на фронт. А теперь, когда все так удачно разрешилось, это ее везение могла прервать какая-то тупорылая металлическая болванка, начиненная взрывчаткой, безнаказанно сброшенная с неба. Кто-то сзади дохнул на нее махоркой и сипло и зло прокричал у самого ее уха:

– Пристрелялся, гад!

Ольга не обернулась, но почему-то подумала, что он пожилой и, наверняка, у него обвислые, прокуренные усы. Пожилой и усатый добавил чуть погодя:

– Ну, теперь держись!

С западной окраины Сталинграда, из-за занятых немцами высот, била дальнобойная артиллерия и вода в Волге вся словно кипела, и сквозь эту сплошную сетку разрывов, казалось, невозможно было пробиться. Но баржа, кренясь то на один, то на другой борт, падая в воронки и вновь вздымаясь вверх, упрямо ползла вперед. А тот, правый берег, никак не хотел приближаться. Черная его полоса, едва различимая в сполохах разрывов, казалась недостижимой. «Что ж ты такая широкая? Что ж ты такая широченная?» – подумала она о Волге, как будто река была виновата своей шириной перед людьми. Ольга смотрела вперед, не оглядываясь, и не видела, как на корме баржи разорвалась бомба, и несколько человек выбросило за борт. Она только почувствовала, как баржа вздрогнула всем корпусом и стала крениться на правый борт, и совсем замедлила ход. Трос между ней и буксиром натянулся струной, и казалось, что баржа пятится, тянет буксир назад.

Впереди, совсем близко, взметнулась вода, и взрывная волна толкнула Ольгу в грудь, едва не оторвав от поручней, и опять запахло тиной и речным илом, но она устояла. Этой волной сбilo с головы шапку, и в этот момент Ольга поняла, что везение кончилось, и начинают

действовать другие законы. Теперь ей стало страшно по-настоящему! Страшно, что не успеет сделать того, к чему стремилась все это время, что все самое важное на этой войне свершится без нее. Откуда-то из глубины сознания вдруг вырвалась мысль, которой она никогда не давала воли, что-то главное, ради чего она и родилась на свет, еще не случилось. Еще только должно было случиться, теперь именно там, в горящем Сталинграде, а если не свершится, то жизнь будет прожита напрасно, от этой мысли стало страшно вдвойне.

Вот тогда она обратилась к тому, кого, как она считала, не существует. Она накрепко закрыла глаза и постаралась отрешиться от всего, что ее окружало – от этого страшного грохота и от немилосердного воя немецких пикировщиков. От стонов раненых и криков убоявшихся. Ей это удалось, и она как будто осталась наедине с кем-то, кто давно ждал этого разговора. Он был рядом и слышал ее мысли, но она решила, что должна говорить как можно громче, чтобы наверняка, чтобы ему было понятно всё и он не смог бы отказать ей. Она обратилась к нему запросто, как будто знала его давно, с самого своего рождения, подумав мимоходом, что он простит её за долгое ожидание.

– Боженька! – закричала она вверх, с закрытыми глазами – Миленький! Если Ты есть! Я знаю – Ты есть! Пожалуйста! Помоги мне добраться до берега! Мне очень нужно туда, в Сталинград! Очень нужно! Если Ты можешь всё, а Ты можешь всё. – сказала она, признавая Его Всемогушество, – дай мне только добраться до берега! Только до берега! Дальше я уже сама... дальше я сама! Клянусь, больше я ни о чем никогда Тебя не попрошу! Только до берега! И еще, – она уже верила, что он слышит ее, – пусть эти солдаты, те, что еще остались на барже, пусть они тоже доберутся вместе со мной!.

– Ну, вот и добрались! – произнес уже знакомый, сиплый голос и только теперь Ольга услышала, что стало тихо – баржа и бронекатера вышли из зоны обстрела артиллерии и самолеты ушли – отбомбились, а до берега уже было рукой подать. Она оглянулась, но в темноте не разглядела лица говорившего, и все же была уверена, что он пожилой и непременно усатый. Так уж ей показалось тогда.

* * *

Радиограмма штаба 62-й армии: *«ГОРОХОВУ Авиация будет сегодня ночью бомбить. Батальона нет, дали 200 человек. При первой возможности поможем еще. ЧУЙКОВ, КРЫЛОВ».*

Ответ полковника Горохова: *«ЧУЙКОВУ, КРЫЛОВУ. Получил не 200, а 89 человек. Боезапас подходит к концу. ГОРОХОВ».*

Глава 2

Штаб Северной группы полковника Горохова располагался в неглубоком овраге, врезавшемся в обрывистый волжский берег. Собственно, это был штаб 124-ой стрелковой бригады, командованию которой и была вверена оборона северных окраин Сталинграда. Название этого участка сложилось таким образом – однажды, в начале сентября, И. В. Сталин, выслушав по ВЧ-связи доклад командующего Сталинградским фронтом генерала Еременко об обстановке в осажденном городе, поинтересовался:

– Как там обстоят дела в Северной группе Горохова?

С этого момента такое название ключевого участка обороны было введено в оборот и именно в таком виде фигурировало в сводках Сталинградского фронта и Генерального штаба.

У штаба стояла группа офицеров, и, прислушиваясь к обрывкам разговоров, Ольга поняла, что сегодня здесь произошло что-то серьезное. Надо уходить на левый берег, сказал кто-то громко, и второй что-то отвечал, но она расслышала только конец фразы – сотрут в порошок. Потом заговорили сразу несколько человек, и она слышала только отдельные слова – давит танками... разворотили завод... Горохов... что он возомнил... надо уходить... на левый берег.

Ольга решительно стала пробиваться к входу, но в этот момент из штаба стали выходить люди и она ждала, опустив вещмешок с рацией на землю. Последним из землянки вышел старший лейтенант и она, сразу угадав в нем здешнего, подошла и спросила, где ей найти капитана Студеникина.

– С баржей прибыла? – ответил вопросом на вопрос старший лейтенант. – Кто такая?

– Красноармеец Максименко, радистка. Прибыла в распоряжение капитана Студеникина.

– А-а, разведка! – сказал офицер и, глядя на нее испытующе, представился, – Я Чупров, заместитель начальника штаба. Значит, радистка? Да, Студеникин давно просил радиста. Так вот, боец Максименко, переночуешь в медсанчасти, а завтра определимся, делать тебе на передовой нечего.

– Вы не имеете права! – Ольга выпрямилась и расправила плечи, и Чупров смотрел на нее удивленно. – Вы не имеете права, потому что у меня приказ сдать рацию капитану Студеникину, и я поступаю в его распоряжение.

– Рацию сдай, разве я против, и шагом марш в санчасть! Студеникин все равно не возьмет тебя в свою группу, понимаешь? Ему радист нужен на корректировку, а это дело такое, там больше суток не проживешь. Корректировщики – это смертники, а тебе еще жить и детей рожать!

– Кого мне рожать и когда, это не ваше дело! – Ольга чувствовала, как вспыхнула в ней злость и не могла уже себя сдерживать. – Меня капитан Горин прислал на корректировку, у меня приказ, понимаете! И в санчасть я не пойду, не для того я училась, чтобы в санчасти пропадать. Там любая справится, а я радистка! Отведите меня к полковнику Горохову, я ему все объясню!

– Ишь ты, так сразу и к Горохову! Ему сейчас не до тебя, Максименко, там у него такое творится! Пойдем, – Чупров вдруг смягчился, поднял ее вещмешок и они стали спускаться по оврагу. – Понимаешь, с тех пор, как наши сдали Тракторный завод, не удержали, обстановка сильно усложнилась. Немцы к Волге вышли и разрезали нашу 62-ю армию надвое, так что мы, Северная группа войск, теперь в окружении. Понимаешь?

Они вышли на берег, свернули налево, к лазарету, и остановились у навеса, освещенного тусклой лампой над входом в блиндаж, врытый в основание обрыва. Под лампой белела кар-

тонка, на которой крупными, неровными буквами было написано – «Операционная». Чупров поставил вещмешок у ног Ольги и сказал:

- Побудь пока здесь, помоги медсестрам, а Студеникину я передам, он сам тебя найдет.
- Только учтите, – заявила Ольга, – я здесь не останусь! У меня приказ!
- И откуда ты взялась такая настырная? – старший лейтенант засмеялся.
- Ниоткуда я не взялась! Советская власть воспитала! Так что даже не надейтесь, я в санчасти не останусь!

Ольга прошла дальше и, увидев надпись над входом в землянку – «Госпитальная», отодвинула брезентовую занавесь. Военфельдшер Нина Гордеева, первая, с кем Ольга познакомилась в медсанчасти, без всяких формальностей приняла у нее медикаменты. Эта темноволосая, кареглазая девушка сразу расположила к себе еще и тем, что не задавала лишних вопросов. Спросила только, куда ее определили и, узнав, что к Студеникину, сказала в точности, как Чупров:

- А-а, разведка!

Форма на ее крепкой, ладной фигуре сидела, как влитая – наверное, перешивала под себя – подумала Ольга – ей очень идет. И лицо у нее такое, в общем, сразу видно – в обиду себя не даст, да, независимое у нее лицо.

До поздней ночи Ольга помогала перевязывать и переносить раненых. Поначалу она беспокоилась, как бывает, когда человека еще не приставили к какому-то определенному месту, и ему кажется, что о нем забыли. Она все ждала этого таинственного Студеникина, но Нина успокоила ее, сказав, что утро вечера мудренее, утром все уладится. Вскоре Ольгу оставили беспокойные мысли, потому что раненых было много, лазарет был полон, и тяжелых пришлось выносить и укладывать рядом под обрывом, под наспех сооруженным из старых плащ-палаток навесом. Потом они с Ниной и еще одной медсестрой, пили чай в хоз-палатке, устроившись на мешках со стираной формой, оставшейся после умерших, и нарезали из старых простыней бинты и скручивали их тугими рулончиками. Тут они и познакомились поближе.

Нина Гордеева, кареглазая и темноволосая, была родом из Уфы, и там же в феврале сорок второго начала свою службу в 124-ой Гороховской бригаде, которая формировалась в Башкирии. Старше Ольги на два года, она призвалась в армию с третьего курса медицинского института, и эта небольшая разница в возрасте и солидный военный стаж Нины сразу определил характер их взаимоотношений. Это было здорово – иметь такую рассудительную, старшую подругу. Конечно, мне ведь всегда везет! – подумала Ольга и отвечала на расспросы Нины сначала односложно. Потом они разговорились, но что она могла рассказать о себе?

Самая обычная девчонка, с самой заурядной биографией. Да и биографии, считала она, еще не было, все только начиналось, все еще было впереди. Как все, училась в школе, дружила и ссорилась, увлекалась то одним, то другим делом. Много читала, как и все в ее семье, книги окружали ее с самого детства. Поступила в сорок первом на факультет библиотечного дела, может быть, из протеста, потому что мать считала, что дочь должна пойти по ее стопам и стать биологом, но, скорее потому, что любила книги. Тогда, после выпускного, они крупно поссорились, и Ольга настояла на своем, напомнив матери ее слова о том, что Ольга после окончания школы будет сама определять свою судьбу. Отец бы поддержал ее, он всегда укреплял ее уверенность в поступках, в принятии решений. Он не вернулся из последней командировки в Испанию в тридцать шестом году, и только когда началась война, мама сказала ей, что он служил в разведке и выезжал в Испанию со спецзаданием. Когда его не стало, все изменилось, и было трудно, но она всегда соизмеряла свои действия с мнением отца, как будто он был рядом и внимательно наблюдал за ней, и это помогало ей.

Поэтому она считала, что сейчас должна быть там, где труднее всего, потому что так поступил бы ее отец. Нина сказала ей, что можно быть полезной в любом месте, главное – хорошо делать свое дело, и Ольга согласилась с ней, но все-таки возразила, что каждый должен

стараться работать сверх своих сил и возможностей. Если ты чувствуешь в себе силы, то должен выбирать самое трудное дело, а если в такой тяжелый для страны момент каждый будет отсиживаться там, где полегче, то мы не победим, потому что самые смелые погибнут и некому будет их заменить. Разве я не права, сказала она, разве не для этого страна столько вкладывала в нас, в молодых, чтобы мы были в первых рядах?

– Конечно, ты права, – сказала Нина, – но все же будь осторожней, ты еще не знаешь, в какое пекло ты попала, здесь здоровенные мужики ломаются, как хвойные иголки, здесь жизнь человеческая... Может быть, останешься, все-таки, в медсанбате?

– Ты меня не запугивай, Нина, ты меня не знаешь, я не для того сюда столько времени стремилась, чтобы промывать гнойные раны и мотать бинты. Я должна заниматься настоящим делом, иначе отец... иначе я себя перестану уважать.

– А ты с характером, – сказала Нина, – хотя с первого взгляда так не скажешь.

– Ты не смотри, что я худая, я выносливая, я терпеливая и очень выносливая – вся в отца. Ольга не заметила, как заснула на полуслове с ножницами в руке и уже не почувствовала, как подруга заботливо укрыла ее шинелью.

* * *

Радиограмма Горохова в штаб Сталинградского фронта:

«27.10 Раненых эвакуировали – 665 человек. Натиск противника не уменьшается. Авиация круглые сутки бомбит боевые порядки частей. Давит танками. Положение исключительно тяжелое. Информация о положении на фронте исключительно плохая. ГОРОХОВ».

Глава 3

Проснулась Ольга оттого, что продрогла под шинелью, но чувствовала себя отдохнувшей. Она поискала глазами вчерашний чайник и, не найдя, вышла из палатки, умылась холодной водой из фляжки, и тут как раз вернулась Нина. Она была в чистом, белом халате поверх гимнастерки и Ольга удивилась – как она умудряется тут отбелить и отгладить.

– Давай посуду, завтракать будем! – скомандовала Гордеева и налила в кружки, стоящие на снарядном ящике, горячий, дымящийся чай. Потом вынула из кармана халата банку сгущенки и торжественно поставила на середину «стола» – Попируем!

Они не успели открыть банку, потому что оказалось нечем, и Нина хотела идти просить у кого-нибудь нож – народу на берегу ночевало много, но в это время кто-то окликнул снаружи:

– Где тут Максименко, радист?

Ольга вскочила и кинулась к вещмешку с рацией, потом отозвалась громко:

– Здесь! Я Максименко! – Она искала глазами свою санитарную сумку – та оказалась у Нины в руках, и подруга ее строго осадил:

– Что ты засуетилась, как ошпаренная? Никуда он не денется, твой Студеникин. На, вот! Я тебе тут сухарей положила. Еще две наволочки на всякий случай, вдруг бинт закончится. И сгущенку заberi, – Нина сунула банку в сумку, – потом поешь. Она обняла подругу одной рукой и сказала, улыбувшись:

– Ну, давай, прощаться не будем, – и когда Ольга уже вышла из палатки, крикнула вдогонку, приказала, – Ночевать сюда придешь!

Капитан Студеникин всю дорогу от штаба недоумевал, но так и не нашел объяснения, почему это радиста, прибывшего с пополнением, надо искать в лазарете. Кто его туда отправил (неужели сам Горохов?) и какая может быть связь между радиостанцией, и, скажем, фурацилином, пусть бы кто-нибудь попытался ему растолковать. Не было тут никакой связи и уж, тем более, логики. И когда из хоз-палатки вышла хрупкая, светловолосая девушка и, со словами – Боец Максименко прибыла в ваше распоряжение! – шагнула к нему, тут он просто потерял дар речи.

– Тут в документах сказано... – начал было, капитан, но вовремя остановился, поняв, что, продолжив свою мысль, он обидит человека. Вернее, девушку. Он сунул под мышку портфель, который хотел открыть и достать бумагу, в которой черным по белому написано... ну, да, написано все правильно. Кто же мог знать, что под самой обычной фамилией скрывается это вот самое воздушное создание? Ну, Чупров, ну, зам начштаба, спихнул, и глазом не моргнул! Подложил свинью, а преподнес так, будто новогодний подарок под елку положил.

Капитан Ольге как-то не очень понравился, представляла она его совсем не таким – здесь сыграло свою роль слово разведка, которое все сразу употребляли, как только речь заходила о Студеникине. Разведчик в ее представлении должен был быть подтянутым, стройным, даже каким-то героическим. А этот был полноват для военного времени, и форма на нем сидела плохо. Обтягивающая плечи длинная гимнастерка, ниже, на груди и животе, собралась вся складками и топорщилась под ремнем, и офицерская портупья казалась на ней неуместной. Широкие синие галифе свисали на голенища не чищенных сапог, да еще этот неопределенного цвета, потертый бухгалтерский портфель без ручки, который по этой причине всегда держался под мышкой, окончательно портили и без того неказистый вид капитана. Одутловатое лицо его было покрыто надежным загаром, и неожиданно белым казался наметившийся второй подбородок. Под припухшими веками не разглядеть было глаз, к тому же Студеникин имел привычку щуриться, так как был близорук, а очки он берет и доставал их только в особых случаях. Случай-то как раз был особый, но разглядывать было нечего.

Ольга верно поняла настроение и ход мыслей Студеникина, и пружина внутри нее, которую она всегда ощущала в себе, вдруг разжалась и выпрямила спину и глаза ее вспыхнули. Пусть только съезвит! – подумала она, – Пусть только попробует! И обозвала его мысленно – «Студень» какой-то! А капитан вдруг обмяк плечами, густо наморщил лоб и, сдвинув выцветшую фуражку на лоб, почесал затылок. Потом вяло махнул рукой и, буркнув: – Пошли! – двинулся вразвалку вдоль берега, загребая сапогами речной песок. Ольга подхватила тяжелый вещмешок и поспешила за ним, понемногу успокаиваясь и подумала, что все здесь, в Сталинграде, не по уставу. Он должен был, по ее разумению, козырнуть и приказать по-командирски: – Красноармеец Максименко, следуйте за мной! Как-то так. А этот – махнул ручкой – пошли. И побрел. Дура! – сказала она себе, – нельзя так, ведь он все-таки офицер.

Начальник разведки капитан Студеникин мучительно думал, как разрешить неожиданно возникшую проблему, но ничего путного в голову не приходило. Командир подопечной ему разведгруппы старшина Арбенов уже давно просил радиста, и хотя все члены группы умели обращаться с рацией, они не были профессионалами и работать могли только в открытом эфире. Нужен был радист, знающий шифровальное дело и владеющий немецким языком, так как прослушивание радиочастот противника давало дополнительную информацию, иногда очень ценную. Это во-первых, а во-вторых добытые разведданные о расположении огневых точек противника нужно было передавать на левый берег в зашифрованном виде, а шифры абы кому знать не положено. Тут нужен специально подготовленный человек, имеющий допуск к шифрам. Хорошо, думал капитан, это все при ней – но ведь девчонка, черт возьми! Это сейчас мы в обороне, – думал капитан, – а если группа пойдет в поиск, за «языком» или с диверсионным заданием, что делать тогда? Ладно, – решил он, – это когда еще будет, вот именно сейчас как преподнести группе такой подарок? Да и корректировка, как только начинается корректировка, противник вычисляет местоположение наблюдателя и старается всеми средствами уничтожить его. А здесь, на этом пяточке, и НП устроить, кроме здания школы негде, весь участок перед немцами, как на ладони. Как ты ее представишь своим разведчикам, это битые-перебитые волкодавы, и тут такой подарок! И тут нашлось решение.

Под самым обрывом были сложены ящики с боеприпасами, прибывшие накануне с баржой и на ночь укрытые брезентом. Там толпилась группа солдат, получавших боезапас для своих подразделений, и Студеникин направился в их сторону. Там разгорался скандал. Чей-то возмущенный голос несколько раз воскликнул:

– Что за человек, а? Ну, что за человек?

– А куда тебе столько? – ответил кто-то хрипло. – Влез без очереди и еще возмущается тут!

Ольга остановилась и опустила вещмешок, рука совсем одеревенела. Толпа расступилась перед капитаном, и он грозно окликнул возмущавшегося солдата:

– Саватеев! Бегом ко мне!

Солдат обернулся и обрадованно закричал:

– Товарищ капитан! Что за человек, а, поглядите на него! Я битый час тут толкусь... – он зыркнул на окружающих и добавил уверенно, – в очереди! А этот – недодает!

– А куда ему столько!? – ответил тот, который недодает, мужчина в промасленной, рабочей телогрейке и таких же ватных штанах.

– Необходимо мне! – безапелляционно заявил Саватеев, так, чтобы всякие сомнения у окружающих пропали.

– Не унесешь ведь! – возразил кладовщик и вдруг вспомнил, – И еще без документа! Товарищ капитан, ведь документ должен быть, записка от командования! Мне ж отчитываться! А так, жалко, что ли!

– Приказ был боезапас весь раздать немедленно! Горохов приказал! – успокоил Студеникин кладовщика и сказал Саватееву, глядя на стоявший у его ног ящик с патронами и гранатами и туго набитый вещмешок:

– А, ведь и правда, не унесешь, дорогуша! Куда столько набрал?

– Нуждаюсь я, товарищ капитан!

– Нуждается он! Что ж ты один пришел, дорогуша?

– Так командир послал, сказал, что пополнение прибыло, должны дать людей. – И ткнул пальцем капитана в грудь. – Вы должны дать!

– Ты как с начальством... – возмутился было начальник разведки, но тут же успокоился и Саватеев сообразил, что мучает капитана какая-то неувязка, и надо использовать это обстоятельство. Дадут ли пополнение, вилами на воде писано, с этим всегда проблема, и он, как частенько бывало с ним в подобных случаях, обнаглел окончательно.

– Да вы не переживайте, товарищ капитан! Пополнение я уже нашел! – доверительно сообщил Саватеев и кивком показал на сидевших в стороне на пустых ящиках двух солдат.

– Пополнение вам уже дали, Саватеев! – грозно повысил голос капитан и, еще больше прищурившись, показал пальцем назад. – Вот, радистка. Получишь боезапас, отведишь красноармейца Максименко в распоряжение.

Тут только Саватеев обратил внимание на Ольгу и, оглядев ее с головы до ног, обернулся к капитану и радостно засмеялся:

– Пополнение? Девчонка? Ха, зачем нам девчонка, товарищ капитан? У нас там такое... вы бы сами и отвели ее, товарищ капитан! Мне же от командира влетит за такой подарок!

– Разговорчики! Выполнять, Саватеев! – Студеникин повернулся и, не глядя на Ольгу, буркнул, уходя:

– Командиру скажи, я скоро буду!

– Санька! – парень протянул Ольге руку.

Он был чуть повыше ее ростом, короткие, соломенного цвета волосы топорщились в разные стороны, и он все время приглаживал их ладонью. Кожа на широком носу шелушилась, хотя лето уже прошло, а глаза светлые и веселые. Санька Саватеев был из тех людей, которые всегда в центре внимания, всегда в курсе всех событий и знают все обо всех. Энергии его хватило бы на троих, и в своих действиях он частенько перебарщивал. Как случилось и в этот раз, потому что полученный им боезапас одному ему было не унести.

Он сказал Ольге – Подожди! – и направился к двум новобранцам, которые сидели поодаль на пустых ящиках и участь которых Саватеев решил давно, как только спустился на берег. Санька что-то им втолковывал, размахивая руками, и пожилой, с обвислыми усами солдат в поношенной шинели с готовностью встал, а второй что-то возражал Саньке сидя, и когда он поднялся, оказался выше его на голову, и Ольга узнала в нем того, рыжего, что приставал к ней на барже. Они пошли за Санькой, а долговязый несколько раз обернулся назад, как будто ждал кого-то и сказал громко:

– Я повар, мне сказали здесь ждать!

– Таких тощих поваров не бывает! – парировал новоявленный их командир и добавил, раз уж выпал случай покомандовать, – отставить разговоры! Нам еще две ходки надо сделать!

Слава богу, определились! – сказал пожилой, подходя, и Ольга узнала вчерашний голос – она не ошиблась тогда на барже, усы у него были обвислые и прокуренные до черноты на концах. Санька командовал весело, с прибаутками, и бойцы подняли ящик, и старику достался также вещмешок с запалами для гранат, а долговязому Санька вручил в свободную руку Ольгин мешок с рацией. Он провел их вдоль обрыва, и вскоре они повернули направо и стали подниматься вверх по глубокому оврагу. Пока они шли, Санька говорил без умолку и вскоре Ольга знала о нем все или почти все. Что он из-под Смоленска, а деревня его непонятно куда

относится, то ли к Белоруссии, то ли к Смоленской области. Что у него две младшие сестры, а отец воюет где-то на севере, вроде под Ленинградом и писем давно не было.

Солнце поднялось уже высоко и на небе ни облачка, и тихо вокруг и спокойно, как будто и не было никакой войны. Овраг постепенно сужался, и в конце его уже можно было разглядеть вход в блиндаж, завешенный плащ-палаткой, и дальше овраг раздваивался двумя траншеями. Санька сказал радостно:

– Уже скоро, уже почти дошли! Видишь, эта траншея идет вправо, к школе, там у нас НП. – Над краем оврага виднелся верхний, полуразрушенный этаж здания. – А эта, – Санька показал на начало другой траншеи – ведет прямо на передовую, отсюда до передовых окопов метров сто. Так что мы тут почти в тылу!

Но тут впереди грохнул взрыв, и все невольно пригнулись и ускорили шаг. Начался арт-обстрел, снаряды стали падать густо и в грохоте разрывов Ольга уже не услышала нарастающий в небе гул бомбардировщиков. Бойцы поставили ящики у входа и уселись на них, с тревогой поглядывая в небо. Ольга вслед за Санькой вошла в блиндаж, едва освещенный сделанной из снарядной гильзы лампой. Санька опустил на корточки у низенького, грубо сколоченного столика и о чем-то говорил с пожилым сержантом, но из-за грохота ничего не было слышно. К ним подсел другой, тоже с сержантскими нашивками. Черноволосый и черноглазый, нос с легкой горбинкой, он время от времени поглядывал насмешливо и в то же время оценивающе на Ольгу, которая, не зная, куда себя деть, осталась стоять у входа. Вдруг он встал и подошел к ней, движенья его были легкие, кошачьи, и протянул руку. Приблизился к ее голове и прокричал в ухо:

– Младший сержант Чердынский!

Она приподнялась на цыпочки и также, прямо в ухо, ответила:

– Максименко, радистка!

Санька поднялся и, подмигнув ей ободряюще, ушел, а Ольга подошла к столу. Пожилой сержант подвинулся, и она присела рядом с ним на снарядный ящик. Завыли, падая в пике, «Юнкерсы Ю-87», и земля вздрогнула и заходила ходуном от взрывов тяжелых бомб. С потолка, в щели между шпал, сыпался песок, и Ольге стало не по себе от мысли, что такая бомба может упасть на крышу блиндажа.

Сержант, который сначала показался ей пожилым, наверное, из-за густых, прокуренных усов, хотя ему было едва за сорок, подал Ольге старую телогрейку и ватные штаны. В шинели будет неудобно – сказал он, надо переодеться, потом пошарил в стоящем у стола вещмешке и, достав оттуда танкистский шлем, протянул ей со словами:

– Хотел Саньке отдать, да этот байпак все равно потеряет!

Он улыбнулся и тяжелое, с крупными чертами лицо потеряло суровость, и она улыбнулась благодарно ему в ответ, и они с Чердынским вышли. Переодевшись, в этой одежде она почувствовала себя как-то ловчее, и шлем был удобен – чуть приглушал грохот и за шиворот не сыпалось.

Вернулись они уже втроем и третий, она это сразу поняла, и есть их, а теперь и ее командир. Был он сосредоточен и серьезен, наверное, и шуток не любит, подумала Ольга. Они были чем-то схожи с Чердынским, только старшина Арбенов был чуть более плотного телосложения, экономен в движениях, и держал спину прямо, как будто вместо позвоночника у него был стальной прут. Чувствовалась в нем особая военная выправка и взгляд его с азиатским разрезом глаз был уверен и тверд, как и подобает командиру, подумала она, а как же иначе, таким и должен быть командир. Ольга встала ему навстречу, а он внимательно, изучающе смотрел в ее глаза. Где-то совсем рядом упала авиабомба, и от взрыва земля качнулась под ногами, она подалась вперед и ухватилась за его руку, и он придержал ее другой рукой за плечо. Глаза его оказались совсем близко, и он вдруг улыбнулся ей и сказал:

– Ничего, привыкнешь! – и подумал, – да, подарок неожиданный, и что ты будешь делать с этой девчонкой и какой от нее толк. Никогда в группе не было женщин, не та у них работа, и теперь надо придумать, как от нее избавиться. Капитан даже не посоветовался, а надо было сразу определить ее куда-нибудь на берегу, теперь это сделать будет сложнее.

Вдруг стало тише – самолеты, отбомбившись, уходили, но артиллерия немецкая еще работала. Старшина был уверен, что ему удалось скрыть свое разочарование от того, что прислали девушку, ему не хотелось обидеть ее, потому что он видел по ее глазам, как она волнуется. Глаза у нее удивительные, удлинённые... что это с тобой, старик, глаза как глаза и не дай бог она сейчас заплачет. Он опять стал серьезным, посмотрел на часы и сказал:

– Я старшина Арбенов. Через десять минут артобстрел закончится, будь готова!

Все трое вышли, а она почему-то пожалела, что не успела посмотреть в зеркальце, идет ли ей этот шлем и тут же укорила себя, мол, нашла время думать о такой ерунде.

Глава 4

Артобстрел закончился также внезапно, как и авиа-бомбежка до этого, и сразу же вспыхнула плотная перестрелка, попеременно с минными и гранатными разрывами. Ольга подняла вещмешок с рацией и на выходе из блиндажа столкнулась с Чердынским. Он выхватил из ее рук вещмешок и побежал к траншее в конце оврага, только крикнул, не оборачиваясь:

– Будь здесь! Но она побежала за ним, и траншея привела к полуразрушенному, единственному в Спартановке четырехэтажному зданию школы. Она вслед за Чердынским забежала на первый этаж, и он, поднимаясь по лестнице, оглянулся и что-то крикнул, но она не слышала, видела только раздражение в его глазах.

Вбежав на третий этаж, Ольга остановилась, переводя дыхание, и увидела старшину Арбенова с биноклем у оконного проема, а Чердынский достал рацию и, поставив ее на снарядный ящик у стены, размотал провод антенны и забросил ее конец в пролом в потолке. Ольга присела на второй ящик поменьше, включила радиостанцию и нашла в вещмешке наушники. Чердынский, сверкая глазами, подошел и попытался отобрать их у нее, но она остановила его, отвечая ему таким же злым взглядом.

– Тебе что было сказано? – крикнул сержант. – Сидеть в блиндаже и ждать!

– Пошел ты к черту! – мысленно взорвалась она, но ничего не сказала и стала настраиваться на горинскую волну. Тебе надо, ты и жди! Это моя работа! – подумала Ольга, крутя ручку настройки, – Это мое дело и никто мне не указ! Надо было так и сказать ему, этому сержанту, в следующий раз я так и сделаю!

Старшина Арбенов оглянулся на возглас сержанта и подошел, переводя вопросительный взгляд с одного на другого, и она видела, как Чердынский ухмыльнулся злорадно. Сейчас ты узнаешь, чье это дело, так, наверное, он подумал, догадалась Ольга. Арбенов смотрел на нее вопросительно, и она взглянула на него дерзко, и улыбнулась насмешливо Чердынскому. Чувствуя, как унимается нервная дрожь, охватившая ее еще там, в овраге, прокрутила ручку настройки и стала вызывать – Чибис, Чибис, я – Ястреб! Чибис отозвался сразу – ее выхода в эфир уже ждали, и, хотя были сильные помехи, ей показалось, что она узнала голос Горина.

– Есть связь, Чибис на связи! – доложила Ольга и, увидев недоумение в глазах Чердынского, подумала злорадно, что ее просто так, голыми руками не возьмешь, не на ту попали. Можешь злиться, сколько угодно, и ничего твой старшина со мной не поделает, не имеет права, потому что она боец Красной Армии, такой же, как и вы оба. И у нее приказ, и она обязана его выполнить, и никакие Чердынские не имеют права делать эту работу за нее.

– Давай, обучай! – сказал старшина, отошел к окну и поднес к глазам бинокль, а Чердынский сплюнул с досады себе под ноги и присел у стены с делано-равнодушным взглядом, но было понятно, что он глубоко разочарован поступком командира. Он, как командир, должен был поставить на место эту пигалицу, и то, что произошло, было для Чердынского удивительно. Старшина Арбенов посмотрел вверх и показал Чердынскому рукой на Ольгу, и она услышала гул в небе. Сержант подошел к ней и сказал, показывая на пролом в потолке, где уже были видны высоко в небе немецкие самолеты:

– Вторая волна пошла на левый берег и на остров Спорный. Будут нашу артиллерию подавлять и на нас наваяться. Я буду передавать тебе команды, так будет вернее, а ты передавай слово в слово, поняла?

Началась работа, и она очень старалась, потому что это была очень важная работа, она была в этом уверена, и от нее в этом общем деле многое зависело. Старшина оборачивался и кричал, сообщая координаты, и Чердынский повторял за ним, так, чтобы Ольга передавала в точности и потом она также напряженно вслушивалась в ответ «Чибиса», который повторял за ней услышанное, и нужно было убедиться, что там ее поняли правильно. Она не видела,

как от волны бомбардировщиков отделилась тройка «Юнкерсов», и упала в пике на школу, только слышен был душераздирающий вой сирен, и почувствовала, как заходил ходуном пол под ногами, и здание вздрагивало от взрывов авиабомб. Она не знала, что означают те слова, которые она передавала, повторяя вслед за младшим сержантом – Ориентир 20, левее 0—03, осколочным, 4 орудия, залп! Ориентир 18, правее 0—05, бронебойным, два залпа! И дальше – осколочным, бронебойным, ориентир 17, и она не знала, сколько это длилось, только чувствовала, что охрипла, и не было времени сделать глоток воды.

Бомбежка вдруг прекратилась, сержант бросился к окну, и только тогда Ольга отстегнула фляжку на поясе и пила жадно, чувствуя, как вода, проливаясь мимо, холодила шею под воротом гимнастерки. Старшина что-то сказал Чердынскому и тот, кивнув в ответ, повернулся к Ольге.

– Танки прорвались! Прямо на нас прут! – крикнул сержант и бросился вниз. Ольга подошла к окну, и перед ее глазами был весь поселок, где не осталось ни одного целого здания, только кое-где прямоугольники фундаментов. Слева за широкой балкой, по которой проходило русло речки Мокрой Мечетки, высились цехи Тракторного завода, а прямо на них, на школу, ползли серые коробки тупорылых немецких танков, и их было много, не сосчитать. Немцы ослабили натиск на других участках фронта и, собрав в одном месте все имеющиеся танки, прорвали оборону, и теперь эта танковая армада неумолимо двигалась к обрывистому волжскому берегу.

Когда пошли танки, артиллерия противника перенесла огонь на остров Спорный, где стояли наши батареи, и на здание школы тоже. Первые залпы горинского артдивизиона накрыли голову колонны, и два танка остановились, а третий задымил, кружась на месте. Из новой волны бомбардировщиков отделилась пятерка «Юнкерсов-87» и с душераздирающим воем упала в пике на школу. Две бомбы упали в дальнем крыле здания и одна ближе, казалось, школа рассыплется от такого удара, но она выдержала, а на них зашла еще одна пятерка. Когда танки откатились, опять начался артобстрел по всему фронту и сверху падали бомбы, но это была передышка, и Камал с Ольгой спустились на первый этаж – там было безопасней.

После того как отбили третью атаку, был особенно сильный обстрел, затем немцы снова пустили танки и Арбеню насчитал тридцать танков, а справа, на поселок Рынок, они бросили еще двадцать. Артиллерия хорошо работала, но танков было слишком много, и в Рынке их остановили, но они маневрировали вдоль линии обороны и били по нашим позициям. Здесь, на западной окраине Спартановки немцам удалось прорвать оборону, и впереди танкового клина они пустили восемь самоходных орудий. Они были квадратные, с толстой лобовой броней и короткими орудийными стволами, и вся эта стальная армада неумолимо двигались напрямик к школе, на ходу ведя стрельбу. Пятерка за пятеркой заходили на школу «Юнкерсы», танки и самоходки уже пристрелялись, и здание сотрясилось, готовое обрушиться. В этом неистовом грохоте Ольга, передавая команды, не слышала своего голоса и поэтому старалась кричать сильнее, но там ее не слышали и тоже в ответ что-то кричали. Старшина Арбеню, видя, что артиллерия замолчала, выхватил у Ольги наушники и, тоже оглохший, кричал Горину, прося огня, а тот отвечал, что стволы накалились, орудия вот-вот выйдут из строя. Хотя бы два залпа бронебойными, и четыре фугасными, просил Арбеню. Ладно, отвечал Горин, будет два, а потом четыре фугасными, и потом закричал, услышав координаты:

– Ястреб, это же твои координаты!

– Давай капитан! Времени нет! – ответил старшина и бросился к окну. Дождался, когда упадет первый снаряд и крикнул Ольге: – Уходим. Он подхватил рацию, и они бросились вниз, и уже не видели, как в землю рядом с первой самоходкой зарылся фугас и, взорвавшись в земле, перевернул ее.

Они спустились в подвал, где старшина стал складывать за пазуху бутылки с зажигательной смесью «КС» и Ольга спросила:

– Почему мы уходим? Мы же можем стрелять по ним!

– Они все танки бросили на этот участок, – сказал Арбенов – там кругом наши, а по своим бить мы не можем.

Когда они выбрались из здания в траншею, он приказал ей отнести рацию в блиндаж.

– Туда! – он показал рукой. – Повернешь налево, помнишь, где наш блиндаж? Сиди и жди там, береги рацию!

Глава 5

До оврага было недалеко, и дорога была уже знакома ей. Она вошла в блиндаж, поставила рацию в угол, и присела к столу. Она решила, что сидеть и ждать неизвестно чего будет неправильно, но что делать и куда бежать, не знала. Ощущение брошенности и ненужности было знакомо ей, и теперь оно было особенно острым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.